

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ: О СПЕЦИФИКЕ СУБЪЕКТА MASSMEDIA

Работа представлена кафедрой философии РГПУ им. А. И. Герцена.

Одной из важнейших проблем массовой коммуникации, рассматриваемой в философском плане, является проблема соотношения субъектности и нейтральности проводников информации, предназначенной для массового сознания.

Особенность субъекта massmedia определяется прежде всего транслирующим или посредническим характером отправителя информации. Эта его особенность усиливается необходимостью учитывать специфику адресата послания (масс), в результате чего отправитель информации стремится к максимальной нейтрализации своей определенности.

Ключевые слова: *массовое сознание, массовая коммуникация, massmedia, деперсонализация.*

L. Mureyko

MASS CONSCIOUSNESS: ON THE SPECIFICITY OF THE MASSMEDIA SUBJECT

One of the main philosophy problems of mass communication is a problem of correlation of subjectness and neutrality of conductors that provide mass consciousness with information.

The specificity of the subject of the mass media is mainly determined by translating or the intermediary characteristic of the information sender. Such a distinctive feature of the subject is intensified by the necessity to take into account the specificity of information addressees (masses), which makes the information sender tend to maximal neutralisation of his certainty.

Key words: *mass consciousness, mass communication, massmedia, depersonalisation.*

Массовая коммуникация функционирует при помощи некоторых *средств*, под которыми понимаются институционально организованные и использующие специальную технику отправители, точнее, трансляторы посланий.

Средства массовой коммуникации (СМК или massmedia) – это технические средства,

обеспечивающие трансляцию информации большой и рассеянной в пространстве аудитории (массам), приводимые в действие определенными людьми (с определенными мировоззренческими пристрастиями, преследующими свои личные интересы, зачастую ангажированными), а также техника и люди,

проводящие через нее информацию, обращенную к широким массам, обусловлены социокультурным контекстом, в котором они функционируют.

Характерная черта массовой коммуникации – быстрое распространение копий информации для гетерогенного (разнородного) и очень большого количества людей. Г. Г. Почепцов такого рода распространение информации рассматривает даже в качестве определяющего свойства коммуникации как таковой: «предлагаем определить коммуникацию как процесс ускорения обмена информацией» [14, с. 19]. Что же касается именно массовой коммуникации, следует отметить, что возможность еще большего ее ускорения связана с нейтрализацией уникальности составляющих ее единиц.

Одной из важнейших проблем теории СМК, рассматриваемой в философском плане, является проблема соотношения субъектности и нейтральности проводников информации, предназначенной для массового сознания.

Принято считать, что в массах субъектность отдельного человека, социальной группы, социокультурной общности нивелируется. Но представители постмодернистского направления мысли убеждены в том, что это характерно не только для масс, но и для всех людей современности. Так, Ж. Бодрийяр, называя современную эпоху «протеевской» (от имени героя греческой мифологии Протея, который всякий раз, встречаясь с препятствиями, трансформировался), указывает на такую характерную черту существования нынешнего человека, как рост его социальной нестабильности. Для современного человека в условиях быстро меняющейся реальности, усложняемой многоплановостью информационных сетей, постоянной оказывается лишь готовность «сменить форму»: работу, профессию, место жительства. Не успевая анализировать полученную информацию, человек «выключает» аналитическое и «включает» «клиповое» сознание, воспринимающее мир как множество быстрых и ярких впечатлений, способное удерживать внимание на одной теме не более двух минут.

Но и при сохранении значимости субъекта в социальной теории надо иметь в виду тесное переплетение в реальной жизни субъектности человека и ее нейтрализации. Классическая модель исследования коммуникативного процесса Г. Лассуэлла («Кто сообщает, что, через какой канал и с каким эффектом?») в фундаментальном измерении не исключает того, что сам по себе канал как посредник, транслирующий сообщение, приводится в действие определенными субъектами-личностями, которые вместе с тем являются деперсонализированными участниками современного массового общества.

Процессы деперсонализации включены во все виды и уровни социализации.

Так, в выделяемых П. Бергером и Т. Лукманом двух уровнях социализации («первичной» и «вторичной») первый из них – это тот классический уровень и вид социализации, благодаря которому ребенок затем становится членом общества. Общезначимость и устойчивость закона в этом случае могут не только способствовать развитию персоны, но и задать автоматический режим социализации человека, подменив его возможность быть субъектом.

«Вторичная социализация – это каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сектора объективного мира его общества» [2, с. 213]. Вторичная социализация, ориентированная на предельные масштабы интеграции индивидов, с одной стороны, все больше деперсонализирует их, с другой – тем самым обостряет для них вопросы о невозможности действительного, а не формального единства людей без понимания их индивидуальности. Иначе говоря, вторичная социализация актуализирует вопросы о многомерности общества как конструкта рациональной координации действий индивидов, о несводимости его роли к социальной дрессуре.

В этом контексте будем иметь прежде всего тот аспект вторичной социализации, который связан с интернализацией институционально обоснованных «подмиров», усложняющей задачу идентификации различного, в том числе своего и чужого, объективного и субъективного.

Еще представители Чикагской школы США (Дж. Дьюи, Ч. Х. Кули, Р. Парк, Дж. Мид), заложившие основополагающие идеи массовой коммуникации как специальной дисциплины, выделившейся из теории идеологии и теории массового общества, отмечали, что попытки научно выявить объективные факторы изменения сознания масс, для которых деперсонализация – существенная черта, всегда наталкиваются на трудности, связанные с чрезвычайно тесным переплетением в нем объективного и субъективного.

В дальнейшем П. Лазарсфельд, Г. Ласуэлл, К. Левин и К. Ховлэнд, предпринявшие усилия в эмпирическом изучении воздействия «effects» массовой коммуникации как результата проявления в объективной реальности некоего следствия других событий или причин, и затем Дж. Клэппер в классической работе «Эффекты массовой коммуникации» (1961) обращали внимание на *особую* или *специфическую* объективность массового сознания.

В сформировавшихся в 70–80-е гг. XX в. «теории установки повестки дня» (М. Е. МакКомбс и Д. Л. Шоу), «теории культивации» (Дж. Гербнер), «теории разрушения социального пространства» (Дж. Мейерович), теории «логики медиа» (Д. Л. Олтейд и Р. П. Сноу) и «теории системной зависимости медиа» (М. Л. де Флер и С. Дж. Болл-Рокич) исследование способов влияния на массы проводилось с пристальным вниманием к содержанию «жизненного мира» конкретных людей. В результате был сделан вывод: вследствие особого положения субъекта в повседневности оказывается достаточно проблематичным проведение границы между субъективным и объективным, реальным и только кажущимся таковым в конструировании новых социальных отношений с помощью масс-медиа.

К концу XX в. в исследованиях массовой коммуникации под влиянием постмодернистских идей все больше используется установка «отказа от субъекта». В эти исследования с учетом сложного переплетения языковой практики и теории, неконтролируемых и осознанных культурных нормативов

в поведении масс вводятся в качестве существенных понятия деперсонализированного дискурса и нарратива.

Если для модернизма была характерна строгая дифференциация означаемого и означающего, то в постмодернистских практиках имеет место аллегорически насыщенный текст, который прочитывается через другой текст. Согласно Ж. Бодрийяру, культура существует через симуляционные модели. Это дискурсы, не имеющие исходного, подлинного референта. Значения определяются соотношением не с некоторыми стандартами, с объективной реальностью, а с другими знаками. Ситуация постмодерна – это сосуществование множества кодов, для которого единый метакод неопределим. Именно в этой связи для постмодернистской культуры так характерно признание особой роли посредников.

В исследованиях *символической* природы социальной коммуникации в условиях современного массового общества в постмодернистской литературе все больше проявляется сомнение в реализме: «вместо объекта репрезентации – экстаз его отрицания и ритуального уничтожения: гиперреальность» [4, с. 147]. Массы, как полагает Ж. Бодрийяр, – некоторое универсальное вещество, трансформер. В них нет субъекта. Он определяет их суть терминами «биомасса» («В тени молчаливого большинства, или конец социального») и «пластмасса» («Символический обмен и смерть»). В обоих случаях подчеркивается легкость и бесконечность новых формообразований и вследствие этого – бесформенность «реального времени», тогда как вне темпоральности нет осознающего и контролирующего себя субъекта.

В современном массовом обществе человек как субъект, как персона, согласно Бодрийяру, поглощен многоликой вещью, которая, благодаря особенности ее восприятия массами, воплощает в себе в концентрированном виде «всю семиотику мироздания». Речь идет о самовыпячивании и расползании объекта, который переходит всякие границы без принципиального сущностного превращения. Это переход от роста к разрастанию

того же самого. Вещи как бы болеют раком, отмечал Бодрийяр в «Системе вещей». Безудержное размножение внеструктурных элементов-«клеток» вещей сообщает им «самоуверенность» и властную мощь не подконтрольности человеку.

Думается, в наше время субъект как таковой, как персона все еще имеет свою значимость, хотя процессы его изменения, связанные как с сознательным «инкогнито», так и с теми, что были описаны Бодрийяром, набирают мощь и ускоряются.

Итак, в средствах массовой коммуникации теснейшим образом переплетены, с одной стороны, действия, ориентированные на преимущественно однонаправленный и внеличностный способ передачи информации, а с другой – ожидание интерактивности и организация персональной обратной связи (для большей подконтрольности ее получателя). В последнем случае предполагается осознанное включение как собственных индивидуальных особенностей и целей отправителя информации, так и уникальных характеристик каждого из представителей гетерогенной аудитории, которым она адресована (для большего охвата людей и усиления эффекта предлагаемого сообщения).

Таким образом, в massmedia синкретически связаны как свойство нейтральности, необходимое для медиатора, выражающееся в требовании «быть прозрачным стеклом» для информации, так и свойство ее «фокусировки» или определенной ее организации в зависимости от целей ее субъекта. Определенным образом организованная и поданная информация всегда будет включать и фактор герменевтической интерпретации, и предложение «ключа» для расшифровки кода информации или «заботу» об однозначном прочтении сообщения.

Из-за недостаточной проработанности в социальной теории характера связи двух существенных элементов massmedia – нейтральности деперсонифицированной информации и ее субъектной нагруженности – возникают трудности в объяснении как случаев невысокой эффективности СМИ в их влиянии на массы, так и растущей тенденции вы-

хода massmedia из-под контроля общества в целом.

В этой связи отметим, что когда речь заходит о механизме или степени взаимовлияния субъектов информационного пространства (производителей, трансляторов и потребителей информации), оценки влияния СМИ на сознание и поведение людей оказываются весьма неоднозначными и даже противоречивыми. Среди разнообразных точек зрения на эту проблему выделим две основные.

Согласно первой из них, довольно распространённой, сознание и поведение людей существенно зависит от информационного поля, создаваемого СМИ. Так, Э. Деннис отмечает: «СМИ “формируют” наше мышление, “воздействуют” на наши мнения и установки, “подталкивают” нас к определенным видам поведения...» [8, с. 139]. И именно благодаря возможности придавать общественному мнению массовость СМИ обладают способностью управлять и даже манипулировать им.

При этом некоторые авторы отмечают, что средства массовой информации не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько *конструируют* ее по своим правилам и усмотрению. В этой связи СМИ все чаще определяются как «четвертая власть» и даже как «силовые структуры».

Вторую точку зрения представляют те авторы, которые не уверены в указанном всемогуществе СМИ. Так, с вышеупомянутым Э. Деннисом не согласен Д. Меррилл: «Возможно, средства массовой информации и обладают силой фокусировать наше внимание на определенных вещах, но это не та власть, которая заставляет действовать» [8, с. 155]. И далее он уточняет: влияние СМИ скорее состоит в том, чтобы показывать обществу, о чем следует задуматься, а не в том, чтобы указывать ему, что следует думать. Противники убеждения во всевластии СМИ во многом опираются на эмпирические исследования, начатые еще П. Лазарсфельдом в 1940-х гг. и продолжающиеся в этом духе в США сегодня, которые не подтвердили однозначно определяющего влияния средств массовой информации на формирование по-

литического сознания и соответствующего поведения людей.

Анализируя с этой позиции изменения в установках и мнениях во время избирательных кампаний, американские исследователи предложили учитывать 1) процесс коммуникации как двухступенчатый (от СМИ – к «лидерам мнений», а от них – к различным социальным слоям и группам) и 2) модель непосредственного личностного влияния. При таком подходе массовая коммуникация оказывается лишь одним из факторов в формировании направленности сознания наряду с межличностным общением и разнообразными социализирующими воздействиями. В конечном счете, в рамках этой позиции была сформулирована концепция «минимального воздействия» средств массовых коммуникаций на массовое сознание.

Между двумя представленными противоположными точками зрения на роль СМИ существует довольно много промежуточных подходов, которые, не отрицая в целом серьезного влияния средств массовой информации на сознание человека, все же указывают на важные ограничения их возможностей.

Такие ограничения, например, могут быть связаны с множеством противоречивых сообщений самого потока информационного поля, порождаемого СМИ. Г. Гаджиев в этой связи отмечает: хотя СМИ и оказывают влияние на формирование общественного мнения, но они не штампуют его [5]. Так, плюрализм информационного пространства и свобода выбора информационных источников могут сдерживать полную зависимость сознания и поведения от воздействия СМИ.

Кроме того, ограничение возможностей СМИ в их влиянии на сознание людей определяется восприятием его представителя (владельца СМИ, журналиста, органа власти и т. д.) именно как субъекта. В условиях сложности полного учета меняющихся политических и экономических обстоятельств общественной жизни, как и в условиях конкуренции частных СМИ, вполне возможно негативное восприятие субъекта, представляющего средства массовой информации (или представляемого ими), как действующе-

го в интересах, противоположных ожиданиям масс. В этом случае последние могут создать эффект бойкотирования предлагаемой им информации. В таких условиях сообщение СМИ пробуждает и усиливает самоидентификацию реципиента как объекта воздействия с целью управления его поведением. И это приводит к прямо противоположным результатам: чем чаще партия или отдельный политик «рекламируются» по телевидению, тем меньше голосов они получают на выборах.

Кроме того, информация, обращенная к гетерогенным массам, в которых индивид оказывается инкогнито, может способствовать идентификации его изменяющегося «Я», актуализируя его ранее скрытые уникальные возможности. Мир, представленный средствами массовой информации, оказывается виртуальной экспериментальной лабораторией, в которой человек создает (конструирует) себя, получая возможность побыть кем-то другим, открывая в себе те качества, которые были не востребованы в привычно понимаемой реальной жизни.

С. Холл [17] – основоположник так называемых культурных исследований («cultural studies») – еще в 1970-е гг. предложил понятие «семантическая герилья», в основе которого лежит декодирование преференциальных смыслов, заложенных в послание господствующей идеологией, путем их переосмысления. Речь идет о том, что нет прямой зависимости между кодированием и декодированием информации, адресованной широкой аудитории. Между этими двумя процессами всегда существует некоторый разрыв. Тот, кто осуществляет декодирование, в той или иной степени всегда имеет в виду собственные условия существования и собственные предпочтения. В процессе декодирования не исключено неприятие со стороны адресата послания претензии сообщения на общезначимость. В результате предписываемая этим сообщением позиция в социальной структуре перестает восприниматься как естественная, нормальная, меняется акцентуация знака, производится денатурализация предлагаемого сообщения, гегемонистский культурный код деконструируется и пере-

страивается по-новому. При этом вполне возможно создание и оппозиционного кода.

Нельзя не согласиться с Е. Г. Дьяковой [9], которая, усматривая в концепции С. Холла логику марксизма в его позднем варианте, как она трансформировалась в работах А. Грамши и М. Фуко, отмечает ее безусловную актуальность и для наших дней – в условиях широкого распространения такого средства массовой коммуникации, как Интернет.

Действительно, существование семантической герильи стало еще более наглядным в публичном виртуальном пространстве форумов, чатов и блогов. Так, семантическая герилья русского Интернета имеет ярко выраженный антиамериканский и антиглобалистский характер. В целом, учитывая сложность контроля нормы сетевого этикета, радикально-оппозиционное декодирование по самым разным направлениям зачастую приобретает форму «флуда», когда неприятие определенной позиции выражается в особо грубой и оскорбительной форме. В результате бесконтрольности лжи, ее стало в Интернете так много, что многие увидели, что она может иногда открыть большее, чем правда.

Итак, существуют по меньшей мере три базовые модели влияния СМИ или massmedia на сознание – максимального, минимального и обратного влияния, которые между собой тесно переплетены.

В этой связи можно утверждать, что возможности программирования массового сознания через massmedia хоть и обладают огромным потенциалом, все же не являются безграничными.

Выделим существенный фактор, благодаря которому СМИ зачастую не достигают уровня искомой эффективности в их стремлении к максимальному управлению массовым сознанием. Это сама природа массового способа восприятия мира, которая еще недостаточно изучена. На наш взгляд, неправомерно ее представлять лишь через такие свойства, как унифицированность, субъективность, иррациональность, бессознательность, благодаря которым массы легко внушаемы.

В массовом сознании эти свойства могут проявлять себя на пределе, переходя в *погра-*

ничную или нейтральную зону по отношению к своим противоположностям: уникальности, объективности, рациональности, сознанию.

При внимательном изучении различных концепций природы масс, связанной с их деперсонализацией, можно выделить две основные тенденции.

В русле одной из них массы понимаются как общность унифицированных, автоматически и стереотипно мыслящих и действующих людей. В русле другой, на наш взгляд, более соответствующей тенденциям современности, массы рассматриваются как множество людей, отчужденных друг от друга, неспособных к интеграции. Их трудно идентифицировать, поскольку *отсутствует общее основание для различия*. Американский социолог Г. Блумер [3], различая толпу и массу, последнюю в противовес первой представляет в виде некоего «конгломерата индивидов, которые обособлены, изолированы, анонимны», поскольку находятся под влиянием очень широкого пространства активного географического и социально-культурного перемещения современного человечества. По отношению к этому пространству правила локальных культур и сфер не работают.

Миграции, разнородная и зачастую противоречивая информация из газет, радио, кино, образования – все это способствует тому, что индивиды срываются с якорей привычных правил и бросаются в новый, неизвестный, неупорядоченный для них мир. И в этих условиях, чтобы выжить, человек массы, согласно Г. Блумеру, не только не лишается своего самосознания, но, наоборот, способен довольно сильно обострить его. В этом плане анонимность персоны – эффективный способ мгновенной реакции индивида на самые разные раздражители, на саму ситуацию *неопределенности*.

Сегодня особенно значимы социальные исследования, фиксирующие внимание на том факте, что оборотная сторона процессов деперсонализации в современном обществе – рост индивидуализации составляющих его единиц. Так, британский социолог З. Бауман [1] вводит в социальную теорию термин «индивидуализированное общество», полагая,

что нарастающая индивидуализация – результат отрицания устаревших форм социальности, замена универсализации глобализацией. Для последней характерен выход на первый план самопроизвольных, стихийных процессов, что влечет за собой возрастание неопределенности человеческого бытия, пересмотра всей системы ценностей, поскольку в классическом обществе игнорирование индивидуального давало преимущественно формальное единство людей.

В этом русле мысли все острее заявляет себя проблема неясности природы промежуточного звена между индивидом и обществом. В работах такого плана исходной установкой в анализе фундаментальных вопросов о природе общества становится идея о необходимости более тщательной проработки понятий «спонтанный порядок» [15], «социальный индивидуализм», «методологический индивидуализм» [13; 16] и др. Эти понятия лежат в основе неклассического представления об устройстве мира в его целостности. Суть этого представления связана с признанием одновременности возникновения и существования порядка и хаоса. При этом большинство систем считаются открытыми, существуя через постоянный обмен веществом или энергией с окружающей средой. Особая роль здесь отводится состояниям неустойчивости, неравновесности, нестабильности. Считается, что только в неравновесной системе могут происходить уникальные события и флуктуации, расширение масштабов системы за счет повышения ее чувствительности к внешнему миру и появление перспективы других, более совершенных форм организации. О. Я. Гелих, отталкиваясь от идей И. Пригожина и С. Стенгерс, изложенных ими в книге «Порядок из хаоса», отмечает: «Только частично порядок в мире людей зависит от собственных их усилий и планов. Спонтанный порядок, рождающийся из хаоса, возникающий эмерджентным образом, шире наших обычных, антропоморфных представлений о нем» [6, с. 282].

Идейный фундамент «методологического индивидуализма» был заложен классической политэкономией в лице А. Смита, «по-

нимающей» социологией М. Вебера, формальной социологией Г. Зиммеля. Затем идея «методологического индивидуализма» развивалась Ф. А. Хайеком, К. Поппером и другими представителями западно-европейской социологии. В современной отечественной философии особую актуальность этой проблемы отмечает Л. А. Микешина [10].

Существует очевидная связь между широко обсуждаемой сегодня проблемой «смерти субъекта» и «методологическим индивидуализмом».

Еще в 1940-х гг. Ф. А. Хайек в работе «Индивидуализм и экономический порядок» [16] подчеркивал, что индивидуализм бывает двух видов. Первый из них («рационалистический псевдоиндивидуализм») представляет собой апологию эгоизма, постулируя существование обособленных и самодостаточных индивидов, второй, который Ф. А. Хайек называет «истинным», связывается с общественной природой человека.

«Подлинный индивидуализм» рассматривает человека как существо, во многом иррациональное и склонное к заблуждениям. Индивидуальные ошибки человека с этой позиции могут быть скорректированы лишь в ходе общественного процесса. Индивид с этой точки зрения хоть и сосредоточен на той сфере жизнедеятельности, которая ему знакома, все же не знает в должной мере ни ее, ни себя, не говоря уже о других и обществе в целом. *И никто* не может знать, полагает Ф. Хайек, кто же знает это лучше всех. И только одним способом это можно выяснить – через социальный процесс, где каждому предоставлена возможность удостовериться в своих возможностях. Исходя из этого «истинный индивидуализм» рассматривает индивидуальный разум как подлежащий если не растворению в спонтанной социализации человека, то исправлению процессом взаимодействия индивидов. Иначе говоря, человеческий Разум с большой буквы, как доступный конкретной отдельной личности, т. е. в единственном лице, не существует. Разум как таковой – это межличностный процесс, когда продуктивность действий каждого проверяется и корректируется другими.

Таким образом, «подлинный индивидуализм» – это результат осознания ограниченности индивидуального разума и признание ведущей роли безличных и анонимных общественных процессов, благодаря которым индивиды создают нечто большее, чем доступно их пониманию.

Если отталкиваться от этой или подобных установок и говорить о полной деперсонализации и бессубъектности представителя информационного и массового общества, то остается вопрос о наличии у него сознания, о механизмах его «включения» и «выключения». Иначе говоря, констатация бессубъектности человека масс не дает объяснить, каким образом человек способен выйти из массового, бессознательного состояния и обрести способность к самосознанию.

Все еще не проясненным в исследованиях массового сознания остается признание особого сочетания в нем осознанного и бессознательного процессов. Утверждение явно-го приоритета второго из них представляется по-разному. Но даже при указании на преимущественно бессознательный способ функционирования массового сознания, многие исследователи признают за ним свойство рациональности.

Отметим, Г. Лебон и Г. Тард, стоявшие у истоков теории масс, предпочитали вместо «массового сознания» употреблять термин «массовая психология».

Сегодня термин «массовое сознание» достаточно часто употребляется в обществоведческой литературе, в публицистике, но также существует немало авторов, которые заявляют о его некорректности в связи с деперсонализацией представителей масс и, значит, отсутствием в них субъекта.

Довольно широкое употребление термина «массовое сознание» начинается после публикации трудов Х. Ортега-и-Гассета, который подчеркивал рациональность масс XX в. Современный образованный человек, полагал Х. Ортега-и-Гассет, вовлечен в достижения цивилизации, в которой на первое место выходят наука и техника. При этом, чем выше уровень развития науки и техники, тем больше в культуре мышление стандартизи-

руется, механизмуется, духовные ценности заменяются «предметными». Согласно Х. Ортега-и-Гассету, массовый человек – это средний человек современного общества. В век бурного развития науки и техники «речь не о том, что массовый человек глуп. Напротив, сегодня его умственные способности и возможности шире, чем когда-либо» [12, с. 62–63]. Образованные массы в этих условиях не лишены сознания, но это сознание особого рода – оно в своей мнимой всесторонней информированности и самодостаточности обращено на себя и судит обо всем по себе. По этой причине у человека масс самосознание «поистине райское»: у него нет таких средств, чтобы хоть на миг «отрешиться от себя и вселиться в ближнего», ощутив свою неполноту [12, с. 61]. Иначе говоря, унифицированность сознания в ее крайнем выражении находится в отношении оборачиваемости с предельным эгоцентризмом.

Специфическая рациональность масс связывается не только с их вовлеченностью в научно-технический прогресс, с широкой и легко доступной информированностью, но и с особой логикой мифологического мышления – неотъемлемой чертой массового сознания.

Логика мифологического мышления, согласно К. Леви-Стросу, не лишена рефлексивности. При этом «элементы мифологической рефлексии всегда расположены на полпути между перцептами и концептами» [11, с. 121–122], а посредником между ними является знак, точнее, символ, который сочетает в себе и функцию образа как означающего, представляя реальность в ее конкретности, и функцию понятия как означаемого, предъявляя свою референциальную способность.

Уточним позицию К. Леви-Строса по вопросу о соотношении сознания и бессознательного в мифологической форме мышления. Сознание, согласно К. Леви-Стросу, существует лишь на пересечении множества бессознательных структур человеческого существования. При этом действие сознания рассматривается как «простая рационализация». Назначение сознания, отмечает К. Ле-

ви-Строс, связано не с его псевдосубстанциональностью, а с тем, что оно служит функциональной опорой бессознательного, являясь точечным местом встречи его составляющих.

При этом установка на понимание сознания без трансцендентального и эмпирического субъекта рассматривается как наиболее продуктивная для того, чтобы получить прямой доступ к реальности объективированного мышления. И именно бессознательное, полагает К. Леви-Строс, может обнаружить то, что не доступно наблюдению сознания, все оценивающего с точки зрения централизованного субъекта. Бессознательное неподвластно прямому доступу сознания, действуя по другой логике.

Действительно, массовое сознание, которое по своей природе мифологично и повседневно, в силу его фактичности, укорененности в бытии является специфически объективным и рациональным по отношению к сознанию как таковому. Однако из-за этого все же не стоит его сводить к бессознательному способу функционирования. Массовое сознание – это посредник между сознанием как таковым (в его рефлексивной форме) и бессознательным. Сознание нельзя сводить только к рациональности локального, формально-логического и социально-прагматического характера, который присущ одномерному субъекту, о чем говорит К. Леви-Строс. Сознание в широком смысле также включает в себя особый способ повседневно-практического, многомерного функционирования рациональности, при котором подготавливаются условия для артикуляции как вневременного и бесконечного, так и сиюминутного. Массами порождаются предельные предпосылки дискурса. Так, *преувеличение* (чрезмерность, доведение до предела) оценочного отношения к действительности и особая его *выразительность* в сочетании с *дифференциацией мельчайших деталей* ситуации как значимых – все это испытание границ смысла, установление *максимума* и *минимума* его самосохранения. Особая рефлексивность такого рода рациональности, как «оставление следов» действия этого *способа*

сознания, неуловимое для формальной логики, как поле «встречи» сознания и бессознательного фундаментально исследовалась феноменологией. Однако изучение этой сложной темы требует своего продолжения. И исследование массового сознания как одной из форм пересечения сознания и бессознательного может послужить уточнению наших представлений о том, как происходит переход от бессознательной рациональности к сознанию, контролирующему свои способы объяснения реальности.

Итак, на наш взгляд, не стоит мириться с тенденцией отведения в массовом обществе второстепенной роли сознанию (по отношению к бессознательному, не лишенному рациональности). Проблематичность понимания природы массового сознания остро выявляет кризисное состояние исследовательской ситуации общей теории сознания, зачастую неправомерно сводимого к формально-логическому мышлению.

В современной философии и социологии фундаментальный исследовательский интерес к сознанию как таковому остается, пожалуй, лишь в аналитической философии и феноменологии. Первая обращает особое внимание на функциональную, техническую сторону сознания, вторая – на смысловую. Аналитики исследуют прежде всего автоматизмы, «машинерию» кодирования предметности сознания, алгоритмы или схемы его действия, феноменологи – рождение смысла через многоплановость сознания, через открытость Иному. Возможно, перспектива *взаимодействия* указанных направлений философской мысли будет способствовать более глубокому пониманию массового сознания, которое не может обходиться без кодирования посредством символов слишком сложной, многоплановой информации. В свою очередь, раскрытие природы массового сознания позволит в большей степени приблизиться к пониманию сознания в его функции intersубъективности, благодаря которой трудности освоения Иного преодолеваются с помощью активизации неосознаваемого смыслового базиса «жизненного мира» (как горизонта всех человеческих устремлений).

Дальнейшее исследование связи рефлексивного и массового видов сознания в их соотношении с изменением свойств субъекта в условиях мощной тенденции деперсонализации человека – весьма актуально, по-

скольку может способствовать нахождению более эффективных средств сопротивления человека тем программам massmedia, которые носят дегуманизированный манипулятивный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Akademia-Центр – Медиум, 1995. 323 с.
3. *Блумер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994. С. 535–588.
4. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2006. 389 с.
5. *Гаджиев К. С.* Политическая наука. М.: Сорос – Международные отношения, 1994. 400 с.
6. *Гелих О. Я.* Управление и насилие. Социально-философский анализ. СПб.: Книжный дом, 2004. 330 с.
7. *Делез Ж. Фуко.* М.: Издательство гуманитарной литературы, 1988. 172 с. (Французская философия XX века).
8. *Деннис Э., Мэррилл Д.* Беседы о массмедиа. М.: Вагриус, 1997. 383 с.
9. *Дьякова Е. Г.* Рунет как пространство «семантической герильи» // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: Материалы VIII Всероссийской объединенной конференции. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 65–66.
10. *Микешина Л. А.* «Методологический индивидуализм» как проблема социальной эпистемологии // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: в 5 т. М.: Современные тетради, 2005. Т. 1. С. 121.
11. *Леви-Строс К.* Неприрученная мысль // Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 382 с.
12. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак». 2003. 269 с.
13. *Поппер К. Р.* Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 298–313.; *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Киев: Ника-Центр, 2005. 800 с.
14. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. Киев: Издательский центр «Киевский университет», 1999. 307 с.
15. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 312 с.; *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект-пресс, 1998. 294 с.; *Кули Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.; *Бранский В. П.* Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии, 2000. № 4. С. 112–129; *Пригожин А. И.* Дезорганизация. Причины, виды, преодоление. Сер.: Синергетическая организация. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 408 с.
16. *Хайек Ф. А.* Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2001. 256 с.; *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.; *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект-пресс, 1998. 294 с.
17. *Hall S.* Encoding / Decoding // Durham M. & Keller D. Media and Cultural Studies: Key Works. Malden, MA: Blackwell Publishers, 2006. P. 177–197.

REFERENCES

1. *Bauman Z.* Individualizirovannoye obshchestvo. M.: Logos, 2005. 390 s.
2. *Berger P., Lukman T.* Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M.: Akademia-Tsentr – Medium, 1995. 323 s.

3. *Blumer G.* Kollektivnoye povedeniye // Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'. M.: MGU, 1994. S. 535–588.

4. *Bodriyar Zh.* Simvolicheskiy obmen i smert'. M.: Dobrosvet, KDU, 2006. 389 s.

5. *Gadzhiyev K. S.* Politicheskaya nauka. M.: Soros – Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. 400 s.

6. *Gelikh O. Ya.* Upravleniye i nasiliye. Sotsial'no-filosofskiy analiz. SPb.: Knizhny dom, 2004. 330 s.

7. *Delez Zh.* Fuko. M.: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 1988. 172 s. (Frantsuzskaya filosofiya XX veka).

8. *Dennis E., Merrill D.* Besedy o massmedia. M.: Vagrius, 1997. 383 s.

9. *D'yakova E. G.* Runet kak prostranstvo «semanticheskoy geril'i»// Tekhnologii informatsionnogo obshchestva – Internet i sovremennoye obshchestvo: Materialy VIII Vserossiyskoy ob'yedinennoy konferentsii. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. S. 65–66.

10. *Mikeshina L. A.* «Metodologicheskiy individualizm» kak problema sotsial'noy epistemologii// Filosofiya i budushcheye tsivilizatsii: Tezisy dokladov i vystupleniy IV Rossiyskogo filosofskogo kongressa: v 5 t. M.: Sovremennye tetradi, 2005. T. 1. S. 121.

11. *Levi-Stros K.* Nepriiruchennaya mysl' // Levi-Stros K. Pervobytnoye myshleniye. M.: Respublika, 1994. 382 s.

12. *Ortega-i-Gasset Kh.* Vosstaniye mass. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»: ZAO NPP «Yermak». 2003. 269 s.

13. *Popper K. R.* Logika sotsial'nykh nauk // Evolyutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk. Karl Popper i ego kritiki. M.: Editorial URSS, 2000. S. 298–313.; Popper K. Otkrytoye obshchestvo i ego vragi. Kiyev: Nika-Tsentr, 2005. 800 s.

14. *Pocheptsov G. G.* Teoriya kommunikatsii. Kiyev: Izdatel'skiy tsentr «Kiyevskiy universitet», 1999. 307 s.

15. *Prigozhin I., Stengers I.* Poryadok iz khaosa. Novy dialog cheloveka s prirodoy. M.: Editorial URSS, 2003. 312 s.; *Budon R.* Mesto besporyadka. Kritika teoriy sotsial'nogo izmeneniya. M.: Aspekt-press, 1998. 294 s.; *Kuli Ch. Kh.* Chelovecheskaya priroda i sotsial'ny poryadok. M.: Ideya-press; Dom intellektual'noy knigi, 2000. 320 s.; *Bransky V. P.* Teoreticheskiye osnovaniya sotsial'noy sinergetiki // Voprosy filosofii, 2000. N 4. S. 112–129; *Prigozhin A. I.* Dezorganizatsiya. Prichiny, vidy, preodoleniye. Ser.: Sinergeticheskaya organizatsiya. M.: Al'pina Biznes Buks, 2007. 408 s.

16. *Khayek F. A.* Individualizm i ekonomicheskiy poryadok. M.: Izograf, 2001. 256 s.; *Khayek F. A.* Doroga k rabstvu. M.: Novoye izdatel'stvo, 2005. 264 s.; *Budon R.* Mesto besporyadka. Kritika teoriy sotsial'nogo izmeneniya. M.: Aspekt-press, 1998. 294 s.

17. *Hall S.* Encoding / Decoding // Durham M. & Keller D. Media and Cultural Studies: Key Works. Malden, MA: Blackwell Publishers, 2006. P. 177–197.